

РОЗДІЛ 10 ЛІТЕРАТУРА СЛОВ'ЯНСЬКИХ НАРОДІВ

УДК 821.162.1– :004].09
DOI <https://doi.org/10.32782/tps2663-4880/2019.12.45>

ЭЛЕКТРОННОЕ ПИСЬМО КАК ЗНАК ВРЕМЕНИ В РАССКАЗЕ ВОЙЦЕХА КУЧОКА «ПРИДИ КО МНЕ»

ЕЛЕКТРОННИЙ ЛИСТ ЯК ЗНАК ЧАСУ В ОПОВІДАННІ ВОЙЦЕХА КУЧОКА «ПРИЙДИ ДО МЕНЕ»

EMAIL AS A SIGN OF TIME IN THE WOJCIECH KUCZOK STORY “COME TO ME”

Рождественская И.Е.,

orcid.org/0000-0003-0572-9362

кандидат филологических наук, доцент,

*доцент кафедры иностранной филологии, перевода и профессиональной языковой подготовки
Университета таможенного дела и финансов*

Варех Н.В.,

orcid.org/0000-0002-2779-9225

кандидат наук по социальным коммуникациям,

*доцент кафедры иностранной филологии, перевода и профессиональной языковой подготовки
Университета таможенного дела и финансов*

В статье на материале рассказа польского писателя Войцеха Кучока «Приди ко мне» проанализирована специфика электронной корреспонденции как модели художественного текста. В аудиовизуальной культуре переписка как общий канал и средство коммуникации обычно существует в форме электронной корреспонденции, его В. Кучок использует как художественную форму. Проблема писателя как медийной личности исследуется с точки зрения возможности непосредственного диалога писателя с читателем в форме электронной переписки. Выявлено, что в современной литературной культуре на фоне переосмысления критериев художественности писательский эпистолярный, даже интимная переписка становятся литературным фактом. Доказано, что автор использует языковую игру, а именно звуковое уподобление (параномазию), как основной способ моделирования мира художественного произведения. Осуществлен анализ функционирования паронимов в субъектной организации текста. Внимание сосредоточено на том, как многозначность слова, фразеологической единицы отражено в структуре художественного произведения. Выявлено, что многозначность слова и фразы актуализируется благодаря параномазии, служит инструментом фабуляризации слов и фраз: авторские неологизмы выступают в функции мотивов. Отмечено, что такая стилистическая функция паронимов, как семантическое переключение, обеспечивает в тексте многоголосие без участия голоса рассказчика, а также является основой сюжетной динамики произведения, в котором происходит трансформация переписки от длинных писем до коротких смс-сообщений. Исследование проводилось в аспекте изучения художественной символики электронного письма как современного средства телекоммуникации с точки зрения когнитивного анализа текста. Перспективой дальнейших исследований представляется сравнительный анализ проблемно-тематического измерения концепта писателя как медийной личности в современной польской, российской, украинской литературе.

Ключевые слова: электронное письмо, параномазия, писатель как медийная личность, польская литература, семиотика средств связи.

У статті на матеріалі оповідання польського письменника Войцеха Кучока «Прийди до мене» проаналізовано специфіку електронної кореспонденції як моделі художнього тексту. В аудіовізуальній культурі листування як загальний канал і засіб комунікації зазвичай існує у формі електронної кореспонденції, що його В. Кучок використовує як художню форму. Проблема письменника як медійної особистості досліджується з погляду можливості безпосереднього діалогу письменника з читачем у формі електронного листування. Виявлено, що в сучасній літературній культурі на тлі переосмислення критеріїв художності письменницький епістолярій, навіть інтимне листування стають літературним фактом. Доведено, що автор використовує мовну гру, а саме звукове уподібнення (параномазію), як основний спосіб моделювання світу художнього твору. Здійснено аналіз функціонування паронімів у суб'єктній організації тексту. Увагу зосереджено на тому, як багатозначність слова, фразеологічної одиниці визначає структуру художнього твору. Виявлено, що багатозначність слова і фрази, що актуалізується завдяки параномазії, слугує інструментом фабуляризації слів і фраз: авторські неологізми виступають у функції мотивів. Відзначено, що така стилістична функція паронімів, як семантичне переключення, забезпечує в тексті багатоголосся без участі голосу оповідача, а також є основою сюжетної динаміки твору, у якому відбувається трансформація листування від

довгих листів до коротких смс-повідомлень. Дослідження проводилося в аспекті вивчення художньої символіки електронного листа як сучасного засобу телекомунікації із застосуванням когнітивного аналізу тексту. Перспектива подальших досліджень – це порівняльний аналіз проблемно-тематичного виміру концепту письменника як медійної особистості в сучасній польській, російській, українській літературі.

Ключові слова: електронний лист, паронимазія, письменник як медійна особистість, польська література, семіотика засобів зв'язку.

This study, based on the story of the Polish writer Wojciech Kuchok "Come to Me", investigates the role of the specifics of electronic correspondence as a model of literary text. In audiovisual culture, correspondence as a common channel and means of communication usually exists in the form of electronic correspondence; which V. Kuchok uses it as an art form. The problem of the writer as a media personality is investigated as the possibility of a direct dialogue between the writer and the reader in the form of electronic correspondence. It has been revealed that in contemporary literary culture, against the background of rethinking the criteria of art, the writer's epistolary, even intimate correspondence, becomes a literary fact. It is proved that the author uses a language game, namely, sound likening (paronomasia) as the main way of modeling the world of a work of art. The analysis of the functioning of paronyms in the subjective organization of the text was done. Attention is focused on how the polysemy of a word, phraseological unit is reflected in the structure of a work of art. It was revealed that the polysemy of a word and phrase is updated thanks to paronomasia, serves as a tool for the fabularization of words and phrases: author's neologisms act as motives. It is noted that such a stylistic function of paronyms as semantic switching provides polyphony in the text without the participation of the narrator's voice, and is also the basis of the plot dynamics of the work in which the correspondence is transformed from long letters to short SMS messages. The study was conducted in the aspect of studying the artistic symbolism of e-mail as a modern means of telecommunication in the context of cognitive text analysis. The study shows that the results of the investigation can be used for the further comparative studies.

Key words: email, paronomasia, writer as a media person, Polish literature, semiotics of communications.

Постановка проблеми. Исследование письма как литературного факта и как художественной формы, соотношения художественных и документальных составляющих, начатое в работе Ю. Тынянова о литературном факте [1], получившее развитие в работах И. Паперно об изучении поэтики письма [2], остается актуальным сегодня по причине трансформации письма в новые формы межличностной коммуникации. Так, в XX веке на смену письму пришел телефон, который, по верному замечанию В. Руднева, «понижил ценность письменной культуры» [3, с. 312] и одновременно вытеснил письмо как «символ любовного текста», став «символом несчастной любви или разлуки» [3, с. 313]. В новом тысячелетии телефон вытеснили новейшие средства коммуникации – электронная почта и смс-сообщения, которые становятся новыми фактами культуры, при этом художественная символика средств телекоммуникации остается актуальной проблемой филологических исследований [4].

Примечателен с точки зрения использования в современной литературе электронной переписки как способа создания любовного дискурса рассказ польского писателя Войцеха Кучока «Приди ко мне». Войцех Кучок – представитель «поколения нулевых», яркая фигура современного литературного процесса. Украинскому читателю он известен как автор повести «Gnój» («Гівнюк» в украинском переводе), за которую в 2004 году удостоен высшей литературной награды Польши – премии «Нике». В монографическом исследовании И. Адельгейм «Поэтика «промежутка»: молодая

польская проза после 1989 года» (2005), посвященном созданию польской литературой нового художественного языка, «адекватного переживаемому времени» [5, с. 7], В. Кучок отмечен как продолжатель традиции лингвистической прозы, основным принципом которой является представление о языке как о герое произведения. В. Кучок бывал в Украине, участвовал в литературных фестивалях [6], но его творчество в отечественном литературоведении не осмыслено, прежде всего, из-за отсутствия переводов на украинский язык. В польских дискуссиях о каноне современной польской литературы В. Кучока называют писателем, обладающим собственным голосом [7], его произведения входят в антологии польской прозы. Принимая во внимание то, что каждое новое произведение писателя вызывает дискуссии критиков и историков литературы, представляется актуальным предпринять специальное исследование его поэтики. В статье предлагается попытка анализа повествовательных приемов в рассказе «Приди ко мне» из сборника «Обсценарий» (Obscenariusz, 2013) [8].

Под повествовательными приемами будем понимать способ субъектной организации произведения (термин Б. Кормана), который обратил внимание на статус субъекта как «соотнесенность всех отрывков текста, образующих данное произведение, с субъектами речи <...> и субъектами сознания» как способ выражения авторской модальности [9].

Анализ последних исследований и публикаций. Виктор Шкловский в «Воскрешении слова» описал прагматический механизм создания

неологизмов: «... мы ... комкаем и ломаем слова, чтобы они задели ухо, чтобы их увидели, а не узнали» [10, с. 40]. Польский писатель Войцех Кучок для создания образов использует оговорки (пол. *przejęzyczenia*) не только строит на их основе фразу, но даже черпает в их образности основу для сюжетов своих произведений. Писатель называет своим творческим методом не только расширение значения фраз, но и возможность их фабуляризации [11].

Художественное творчество Войцеха Кучока с точки зрения стилистической функции неологизмов не было обойдено вниманием исследователей. Так, Петр Соболич указывает, что традиция создания концептов в форме контаминационных неологизмов, начатая польской лингвистической поэзией, обладающая определенной ценностью в масштабе мировой литературы, находит свое продолжение в современной польской прозе, прежде всего в прозе В. Кучока [12]. Войцех Кучок в прозе наследует традицию польского «лингвизма» 70-х–80-х годов: только среди названий его рассказов обнаруживаем неологизмы – паронимические контаминанты: «Mrózg», «Malizm geagiczny», «Chłopowiadanie», «Obscenariusz». Уже в первых критических отзывах на сборник рассказов В. Кучока «Obscenariusz» (2013) отмечалось, что действие здесь разыгрывается главным образом в языке повествования, в форме, звучании и сочетании слов. Особенно изобилует лексемами, напоминающими, по мнению критика, «ретронеологизмы» [13], текст рассказа «Приди ко мне» («Przyjdź do mnie»), где автор в игре со словом заходит настолько далеко, что возникает вопрос о потенциальной непереводаемости этого парадоксально «русского» текста ни на один язык, в том числе на русский [13]. Однако специального исследования языка произведений В. Кучока предпринято не было. Принимая во внимание то, что главным героем произведений автора является языковая игра, представляется актуальным предпринять когнитивное исследование текста, объединяющее методы лингвистики и литературоведения [14].

Постановка задания. Целью исследования является обобщение представлений о различных вариантах стратегии авторского поведения современного писателя как медийной личности на примере использования электронного эпистолярия, выявление способов фабуляризации авторских неологизмов, а также уточнение роли электронного письма как средства моделирования различных систем речи.

Изложение основного материала. В. Кучок определил жанр рассказов, составляющих сборник «Обсценарий» (*Obscenariusz*, 2013), как «Отрывки из нечистых книг». Для автора такая жанровая характеристика является подчеркнута важной и вынесена на обложку книги. Это не просто жанровое определение, но жанровый неологизм, отсылающий читателя к недавно опубликованным любовным письмам Джеймса Джойса к жене Норе Барнакл, в русскоязычных переводах которым сопутствует комментарий: «грязные письма» или «знаменитые эротико-порнографические письма». К. Янчура считает, что выбор темы является симптоматичным, поскольку «буржуазная современность, эпоха неолиберального давления с целью получения прибыли вызывает общее стремление сделать шаг наперекор, разрушив основы всех происков моды, рынка и капитала» [15]. Альтернативой является смех В. Кучока, который критик называет заимствованным у самого Николая Гоголя. Герои В. Кучока называют происходящее нескончаемым карнавалом. В фокусе Кучока-автора оказываются писательские письма, одновременно происходит заимствование документальной формы художественной литературой. Подзаголовок провоцирует читательское ожидание, обещая сборник эротических рассказов. Как свидетельствует критика, автору эротический жанр удался. Как отмечает критик, впервые в польской литературе читатель может наблюдать «довольное собой, приязненное, радостное» [15] тело. В рамках повествования в рассказе, являющимся предметом нашего исследования, удовольствие описано как телесный опыт и опыт, переживаемый в переписке. Рассказ «Приди ко мне» открывает сборник, название которого – «Обсценарий» – авторский неологизм, контаминация *обсценный* + *сценарий*, отсылающий к повествованию, в котором – в любовной переписке героев – он рождается. Повествование представляет собой деконструкцию любовного писательского эпистолярия: русской писательницы Марии Петровны Сахалиной и её партнёра, журналиста Виктора Дарченко. Большую часть девяностостраничного рассказа занимает переписка: электронные письма, смс-сообщения, почтовые открытки, героиня ведет дневник, записи в котором также можно рассматривать как письма к самой себе. Композицию рассказа составляют двенадцать фрагментов – хронологических отрезков, объединенных общей темой – историей описания и написания пятидесяти шести писем, которые существуют в ткани повествования как текст в тексте. В каждом фраг-

менте история предваряется монологом повествователя, иллюстрируется текстами писем и комментируется в диалогах персонажей. Создавая эпистолярный текст в тексте, автор сохраняет такие черты рассказа, как наличие автора, героя, повествователя, предполагаемого читателя.

Говорящими субъектами, представленными в рассказе, являются повествователь с несобственно-прямой речью, «я» персонажа в дневнике, «я» персонажей в письмах. Автор деконструирует любовный эпистолярный писателя, в качестве техники деконструкции используя документальную основу: письма Джеймса Джойса, Владимира Маяковского, Агнешки Осецкой. Некоторые из авторов не названы, но узнаются в тексте благодаря цитатам.

В рассказе «Приди ко мне» («Przyjdź do mnie»), выбранном для решения основной проблемы нашего исследования, автор использует неологию и паронимию как основной прагматический механизм воздействия на читателя. По особенностям своей семантики неологизмы в рассказе В. Кучока являются экспрессивными элементами, нередко обладают стилистической амбивалентностью. Например, один из ключевых неологизмов в тексте, *językodawczyni* – существительное, образованное по непродуктивной словообразовательной модели, благодаря своему старославянскому форманту – *yni* (ср. *bogini*, *gospodyni*) – ассоциируется с лексикой возвышенного стиля. Компонентом значения является «носитель языка, обладающий авторитетом для собеседника, способный научить языку, поскольку мастерски владеет им», как *językoznawca* (в современном языке с тенденцией к феминизации существительных общего рода предполагается и форма женского рода *językoznawczyni*). Такой компонент значения частично отражает истинное положение вещей, поскольку названная героиня – писательница. «Ona ma w języku jakąś nadzwyczajną czułość» [8, с. 12]; «Przejmuję od niej język – słyszysz? Jest moją językodawczynią» [8, с. 20]. Однако контекст указывает на стилистическую амбивалентность неолексемы: «Wiktor Daniłowicz Darczenko nie może się doczekać, <...> kiedy wielka rosyjska powieściopisarka <...> wkłada mu wielki powieściopisarski język do ust» [8, с. 18]. Значение неолексемы расширяется до «способный научить языку любви, научающий», благодаря игре автора со снижением смысла, проявляется замещающая, эвфемистическая функция неологизма. Путем контаминации существительных *językoznawczyni* + *krwiodawczyni* возникает многозначное слово с прямым значением «любовница»

и метафорическим «объект для подражания в речевом поведении». Подобная делексистика с целью создания новых значений наблюдается и при использовании фразеологических оборотов. Поскольку речь идет о тексте с заявленным непристойным содержанием, многозначность фразеологических единиц часто превращает их в средство эвфемизации, например: *mieć moralność w nosie, mieć serce w piździe, uprawiać mailarstwo erotyczne, pożar w anatomii, rozwiązać problem wspólnego języka językiem rozwiązłym, trzęsienie łądzwi, przykładać się do pisania, pragnąć pani jak dżdż kani*.

Примером расширения значения неологизмов-фразеологизмов служит следующий факт художественной речи. Фразеологический оборот *pragnąć jak kania dżdżu* («жаждать чего-то, как птица дождя») трансформирован в форму *pragnąć (pani) jak dżdż kani*: «Pragnę Pani jak dżdż kani. Zlizałbym z Ciebie pot, moja sauneczka» [8, с. 83]. Разрушение мотивированности отношений между единицами фразеологизма как устойчивого сочетания («дождь жаждет птицу») происходит благодаря использованию в функции подлежащего существительного *dżdż* (*deszcz*), противопоставление категории мужского – женского рода (*kania* – *dżdż*) актуализирует общее («жажда») и частное (противопоставление мужского – женского) в структуре лексического значения фразеологизма, актуализируя значение «взаимная жажда». Образность семантики фразеологизма как «утоление взаимной жажды путем «выпивания» друг друга, слизывания пота» усиливается неологизмом *sauneczka*. Писатель намеренно разрушает значение фразеологизма, трактуя значение исходного фразеологизма буквально, как описание высшей степени потребности в партнере. Наиболее общим компонентом лексического значения нового фразеологизма становится «вживание» в другого человека. Стратегия вживания реализуется в письмах, в любовной переписке героев, основной стратегией которой является интимизация. Исследовавший интимизацию как художественную стратегию А. Житинёв отмечает, что «интимизация – это стратегия подчеркивания тождества адресата и адресанта, попытка строить общение между разными субъектами по модели автокоммуникации» [16, с. 8]. Эта художественная стратегия позволяет «решить целый комплекс проблем коммуникативного плана и, прежде всего, освоить intersубъективное поле, выявить условия продуктивного понимания» [16, с. 9]. В диалоге, осуществляемом в переписке, адресаты достигают абсолютного

тождества, доказательством чего станет невозможность понимания их высказываний сторонним читателем.

Поскольку главная героиня называет происходящее карнавалом, мотив смерти и возрождения реализуется при помощи языковой игры. Так, ассоциирование смерти с мохнатым животным передает предложенная героиней фигура ложной этимологии: *śmierć* – *śmierć* + *sierść* (смерть + шерсть) «<...> *śmierć* – *zawsze* *wolala* *to* *strasławiańskie* *brzmienie* *włochate*» [8, с. 23], в таком словно увиденном в расфокусе образе мохнатой смерти противопоставляется настоящее и будущее, форма и бесформенность, бытие и небытие.

Для характеристики персонажей с точки зрения автора используются неологизмы-эфмеризмы (производные от слов, широко употребляемых в определенные периоды общественного развития). От недавно вошедшего в язык существительного *celebrytu* (пол. *celebryta/celebrytka*) образованы существительное *celebryckość*, прилагательное *przedcelebrycki* (*czasy przedcelebryckie*). Такие неологизмы выполняют экспрессивную функцию: формант *-ość*, называющий состояние (ср. *atrakcyjność*, *skamieniałość*), актуализирует компонент значения «популярность», вместе с тем ярко проявляется диагностическая функция неологизма, состояние популярности ради популярности оценивается негативно, и это оценка не только авторская, но читательская. «Jej popularność jako osobowości telewizyjnej błyskawicznie przyćmiła tę, którą sobie wypracowała jako poczytna autorka, z czasem więc uświadomiła sobie, że pisała książki właściwie po to, by podtrzymać zasadność podpisu pod swoim nazwiskiem na ekranie: «Maria Pietrowna Sachalina – pisarka». Książki kupowane <...> z powodu celebryckości autorki, kupowane, lecz nieczytane od dawna – wierni czytelnicy Sachaliny z czasów przedcelebryckich poczuli się zdradzeni i przestali czytać jej powieści» [8, с. 22]. Экспрессия неологизма усиливается многократным употреблением слов, образованных по той же модели. «Fani <...> nie mogli już błysnąć oryginalnością, czytanie Sachaliny straciło na wartości» [8, с. 23]. Автор путем использования отмеченных художественных средств демонстрирует разрушающую силу популярности. Формула «писатель-марка», появившаяся в исследовании Д. Антоника [17], художественно переосмыслена в рассказе. Более того, ряд неологизмов, называющих состояние,

в рассказе В. Кучока выполняет функцию отстранения речи рассказчика, представляющего героиню внешнюю, публичную. Так, в начале повествования мы обнаруживаем Марию Петровну Сахалину – писательницу в период творческого кризиса, которая, будучи вечно на подпитии *przestała się przykładać do pisania* [8, с. 23], свое состояние иронически именует *skapcianałość* («подтопанность») [8, с. 12]. Тема кризиса писателя развивается в созданном В. Кучоком неологизме *przykładać się do pisania* (ср. рус. *прикладываться к бутылке*). Образный потенциал неологизмов направлен на формирование стереотипа – образа писателя, увиденного извне.

Выводы. В прозе языкового эксперимента, с которой мы имели дело в предпринятом исследовании, для создания художественного образа автор использовал паронимию, контаминацию, языковую игру, основанную на звуковой ассоциации, которые часто определяют структуру текста. Авторские неологизмы использовались как знак интимности в речи переписки героев, а также для моделирования системы авторской речи. Как отмечает В. Кучок, ситуация писателя в творческом кризисе – одна из увлекательных драм [18], которые могут стать предметом творческого изучения. Переписка, из которой может родиться роман, сигнализирует о продуктивности жанра эпистолярного. Электронные письма и смс-сообщения, выбранные писателем в качестве художественной формы, отражают ориентированность культуры на диалог, а в случае современного писателя, который одновременно является и медийной личностью, – на диалог с читателем. Электронное письмо является знаком деформации временного и пространственного плана, сокращая время для ожидания и ответа, создает сюжетное напряжение, интенсифицирует диалог. Проблема писателя как медийной личности – один из аспектов кризиса автора. Примечательно, что в новейших исследованиях, посвященных массовой культуре и ситуации чтения, отношениям писателя и читателя, отмечается влияние кризиса автора на предпочтения читательской публики [19]. Личный контакт с писателем определяет читательские предпочтения, поскольку диалог с живым человеком требует от нас меньше усилий, чем диалог с результатом его труда [19, с. 72]. Будучи ограниченными рамками статьи, отметим, что перспективой дальнейших исследований представляется сравнительное изучение писателя как медийной личности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Тынянов Ю.Н. Литературный факт. *Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино*. Москва, 1977. С. 255–270.
2. Паперно И.А. Об изучении поэтики письма. *Ученые записки Тартуского государственного университета*. Тарту, 1977. Вып. 420. С. 105–112.
3. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. Москва : Аграф, 1997. 384 с.
4. Киклевич А.К. Стереотипы телекоммуникации и художественная символика телефона. Притяжение языка. Olsztyn : Instytut dziennikarstwa i komunikacji społecznej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie, 2007. Том 1 : Семантика. Лингвистика текста. Коммуникативная лингвистика. С. 201–235.
5. Адельгейм И.Е. Поэтика «промежутка»: молодая польская проза после 1989 года. Москва : Индрик, 2005. 544 с.
6. Матіяш Богдана. Войцех Кучок: «Нагороди дають змогу займатися літературою фахово». *ЛітАкцент*. 22 квітня 2008 р. URL: <http://litakcent.com/2008/04/22/nahorody-dajut-zmohu-zajmatysja-literaturoju-fahovo/>.
7. W naszej literaturze nie ma zboja i barbarzyńcy. URL: <https://kultura.dziennik.pl/artykuly/203240,w-naszej-literaturze-nie-ma-zboja-i-barbarzyncy.html>.
8. Kuczok W. Obscenariusz. Warszawa : W.A.B., 2013. 220 s.
9. Корман Б.О. Опыт описания литературных родов в терминах теории автора: Субъектный уровень. Проблема автора в художественной литературе. Ижевск, 1974. Вып. 1. С. 219–224.
10. Шкловский В.Б. Воскрешение слова. *Шкловский В.Б. Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933)*. Москва : Советский писатель, 1990. 544 с. С. 36–74.
11. Wojciech Kuczok: Wszystko przede mną. URL: <http://www.anywhere.pl/article,536,Wojciech-Kuczok-Wszystko-przede-mna>.
12. Sobolczyk P. Neologizmy Białoszewskiego. *Przestrzenie Teorii*, nr 5, 2005. Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM. S. 75–91.
13. Poznański Przemysław. Wojciech Kuczok. Obscenariusz. Co mozna zrobic jezykiem. URL: <https://alexkuklov.wordpress.com/2014/03/10/wojciech-kuczok-obsценariusz-co-mozna-zrobic-jezykiem/>.
14. Korwin-Piotrowska D. Powiedzieć świat: kognitywna analiza tekstów literackich na przykładach. Kraków, 2006. 139 s.
15. Janczura Konrad. Jan Andrzej Kuczok, czyli odrodzenie w baroku (Wojciech Kuczok, „Obscenariusz”). *Popmoderna*. 17.06.2013. URL: <http://popmoderna.pl/jan-andrzej-kuczok-czyli-odrodzenie-w-baroku-wojciech-kuczok-obsценariusz/>.
16. Житенев А.А. Интимизация как художественная стратегия: опыт серебряного века. *Вестник Томского государственного университета. Серия «Филология»*. 2010. № 334. С. 7–11.
17. Antonik D. Autor jako marka. *Teksty Drugie*, 2012 nr 6, s. 62–77.
18. Wojciech Kuczok: Dziennik Prokrastynata. URL: <https://www.legalnakultura.pl/pl/czytelnia-kulturalna/rozmowy/news/3331,wojciech-kuczok-dziennik-prokrastynata>.
19. Pawłowska Agnieszka. Celebryci we współczesnej sztuce. Cel uświęca środki czy na odwrót? *Kultura popularna*. 2019. № 60 (2). S. 66–75. URL: <https://kulturopopularna-online.pl/resources/html/article/details?id=193711>.